

Станислав Олефир

ИДУ ПО ТАЙГЕ

КомпасГид
издательский дом

**ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС**

Станислав Михайлович Олефир

Иду по тайге

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54285858

Иду по тайге: КомпасГид; М.; 2020

ISBN 978-5-00083-723-8

Аннотация

Мир, населённый росомахами, филинами и куликами, кажется таким же фантастическим, как и вымышленная вселенная. Редкий счастливчик-взрослый видел бурундука в лесу, слышал стук желтоголового дятла, вдыхал аромат можжевельника у неровной тропы. Что уж говорить о ребёнке – для него тайга всё равно что Нарния!

Книга «Иду по тайге» – это краткие зарисовки, байки и советы; меткие наблюдения и остроумные шутки; а главное – это бесчисленные признания в любви к каждому живому существу, к природе в целом и к людям, её ценящим. Вместе с автором читатель изучает, как меняется тайга из месяца в месяц, читает следы на снегу, слушает птичьи песни и встречает «тысячу знакомых»: птиц, грызунов, рыб. Герои, о которых так здорово не писали со времён Виталия Бианки, оживают в замечательной графике художника-анималиста Натальи Габеевой, подготовившей иллюстрации для нового издания.

Станислав Олефир (1938–2015) с детства зачитывался историями о приключениях и путешествиях и еще в юности проехал через всю страну, от Запорожья до Приморья, работал агрономом, занимался охотой, преподавал в школе, написал два десятка художественных и научно-популярных книг для детей и взрослых. Его сборник «Когда я был маленьким, у нас была война...», вышедший в издательстве «КомпасГид» в 2017 году, полюбили многие читатели – за лёгкий слог, живописные детали и на удивление светлое настроение.

Содержание

Введение	8
Январь	16
Налим	16
Бурундук	19
Под снегом	21
Новогодняя гостя	23
Кутора	27
Беличья спальня	32
Кедровкина одежда	35
Дятлова особинка	36
Лиственница	41
Золушка	43
Тальниковое полотенце	45
Друзья-недрузи	46
Лисий сон	47
Радуга	49
Февраль	51
Росомаха	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Станислав Олефир

Иду по тайге

© Олефир С. М., наследники, текст, 1984

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2020

Введение

– Любишь ли ты природу?

– Странный вопрос. Конечно, люблю. Да и как её не любить? Выйдешь за посёлок – здесь тебе река, грибы, ягоды. А дальше уже самая настоящая тайга. В ней птицы, звери разные.

– А какое из обитающих в наших краях животных ты считаешь самым удивительным?

– Кто его знает. Соболь, наверное. Ну ещё медведь, россомаха.

– Не странно ли получается? Если я буду утверждать, что люблю стихи, но не смогу назвать ни любимого поэта, ни написанных им стихотворений, ты в эту любовь не поверишь: нельзя же по-настоящему любить то, чего не знаешь...

– Но удивительного у нас на Севере и вправду ничего нет. Вот в джунглях – другое дело. Недавно по телевизору показывали мультфильм о птичке, которая чистит зубы крокодилу. Этот крокодил пасть открыл, а она туда залетела, между зубами бегаёт и выбирает остатки пищи. И ничуть не боится! Или вот акула. Эта хищница раз в три-четыре дня подплывает к коралловому рифу и останавливается там с раскрытым ртом. Тотчас возле неё появляются маленькие рыбки и наперегонки бросаются прямо в пасть. Оказывается, на жабрах акулы живёт бесчисленное множество паразитов – рач-

ков-бокоплавов и их личинок. Сколько мучений они причиняют акуле! А рыбки дружно вылавливают рачков. Вот это интересно!

– А розовые чайки?

– О них я ничего не знаю.

О розовых чайках впервые поведал миру возвратившийся из полярной экспедиции английский моряк и исследователь Росс. Было это в начале XIX века. К тому времени до последнего птенца были уже скормлены свиньям обитавшие на Маскаренских островах нелетающие птицы дронты, подходило к концу истребление бескрылой гагарки, а о розовых чайках ещё не знали ничего. Посмотреть на выставленные в Британском музее чучела розовых чаек приезжали люди из разных стран. Удивлялись, восхищались: казалось, оперение этих птиц залито лучами восходящего солнца – в такой нежно-розовый цвет окрашены грудь, брюшко и голова чаек. Многие стремились к встрече с этой таинственной птицей, чтобы узнать, где она гнездится, куда улетает на зимовку. И только годы и годы спустя на эти вопросы ответил советский зоолог Бутурлин. Стало известно, например, что зимовать она улетает с берегов Колымы и Яны не на юг, а ещё дальше на север. Там, в тёмных разводьях Ледовитого океана, вместе с моржами и тюленями проводят розовые чайки полярную ночь – зиму.

– Они держатся стаями или поодиночке?

– Тебе уже интересно. А если я скажу, что во время пере-

лѣта птиц ты можешь увидеть розовую чайку в наших краях, это интересно?

– Конечно.

– Теперь ответь мне: кто в тайге самый храбрый?

– Медведь. Этот зверь никого не боится.

– Неверно. Просто медведь большой и сильный. А трусишка он – другого такого поискать нужно.

Жила у нас на самом краю посёлка женщина. Были у неё в хозяйстве поросёнок и телёнок. Женщина держала их в сарае. У двери бочка с помоями стояла, вѣдра, лопаты, а за перегородкой находились поросёнок с телёнком. И повадился в тот сарай медведь ходить. Откроет дверь, наестся из бочки и тихонько возвратится к себе в тайгу.

Как-то пришла женщина с работы и вдруг вспомнила, что поросёнок не кормлен. Подхватила она ведро – и в сарай. А там как раз мишка лакомится. Глядит хозяйка, дверь открыта и кто-то за ней возится. «Опять телёнок верёвку порвал и до бочки добрался», – подумала она.

– Вот я тебе! – и двинула изо всех сил медведя в косматый бок. Да ещё крикнула: – А ну марш отсюда! Кому говорят?

Что здесь стряслось! Медведь испугался так, словно по нему сто охотников из ружей выпалили. Рывкнул, свалил на пол бочку да в окошко. Стекло разбил, голову просунул, а дальше пролезть не может. Тогда он поднатужился, раму вырвал и так с рамой на шее убежал в тайгу.

Разве можно после этого медведя храбрецом называть?

А вот летом где-нибудь у глухого ручья можно встретить голенастых птенцов кулика-черныша. Они меньше теннисного шарика, и не то что медведь – бурундук или белка могут запросто их съесть, но именно этих малышей я считаю самыми большими храбрецами в нашей тайге.

Обычно их родители облюбовывают себе под «дом» ста-

рое гнездо дрозда или кедровки. Чуть поправят подстилку, отложат четыре крупных яйца и принимаются их высидывать. Вскоре появляются маленькие куличата. Теперь их нужно опустить на землю, а до земли метра три. Прыгать – любой побоится, а лазить по деревьям, как дятлы или поползни, кулики не умеют. Но куличата сразу же, чуть только обсохнут, подходят к краю гнезда и смело бросаются вниз. Летят медленно. Пух им вместо парашюта служит. Приземлятся на длинные ножки – и в путь.

До озера далеко. Километр, а может, и больше. Но куличатам ничего не страшно. Случится канава – переберутся через канаву, встретится ручей – переплывут ручей, увидят лису – за камушки, кусочки коры, сухие веточки спрячутся. Ни за что лисе их не найти.

К концу дня куличата у озера. Немного отдохнули и давай мошек гонять.

А знаешь ли ты, где зимой снегири, кедровки, птички синички ночуют?

– Почему не знаю? В дуплах. Куропатки, рябчики, глухари – эти под снегом, а остальные в дуплах.

– Но ведь удобных дупел не так и много. Птички же по тайге стаями летают.

Я как-то этим вопросом заинтересовался и вдоль речки проверил все дупла. В двух белки-летяги живут, в трёх дятлы обосновались, да ещё в одном поползень квартирует. И всё. Остальные дупла пустые. Стал я посреди тайги и думаю:

«Куда же это все птицы подевались? Весь день над головой мельтешили, а сейчас словно в воду канули».

А рядом на болоте – дерево не дерево, куст не куст, урод лиственничный какой-то. На нём веток! Может, тысяча. И каждая чуть толще соломинки. Обычно лесники такие кусты-деревья ведьмиными мётлами называют. И из этой «метлы» на меня глаз смотрит. Чёрный такой, внимательный. Я сучок поднял и в него запустил. А из куста-дерева кедровка выпорхнула. На соседнюю лиственницу села и давай ругаться. Что, мол, такой-сякой, сучками бросаешься, спать не даёшь?

Чуть в стороне стоит дерево, похожее на трезубец Нептуна. И оттуда я кедровку выгнал. Получается, что такие вот некрасивые с виду деревья кедровкам спальнями служат? Интересно, проверю.

Вот два небольших деревца. Ствол как ствол, ветки как ветки. Здесь никого нет. А у той лиственницы, что на самом берегу выросла, ствол нормальный, но крона плоская, как шляпа-канотье. Да ещё и набекрень сдвинута. Стукнул я по этой лиственнице лыжной палкой – ничего не вылетело. Только труха на голову посыпалась. Почему в «шляпе» никого не оказалось – непонятно. Может, из-за того, что на самом ветру стоит? Или река шумит?

Ага, вот лиственница, тоже от остальных отличается. Низкая, толстая, как бочка. И в этой «бочке» при моём приближении завозился кто-то. Снегири! Так, значит, и вы в лист-

венничных кронах на ночь прячесь? А снегири чуть повозились и стали вылетать. Да интересно так. Зимой ведь у них никаких пар нет, а тут по двое вылетают. Важный красногрудый снегирь и более скромно наряжённая самочка. Секунд пять никого, и снова пара снегирей появляется.

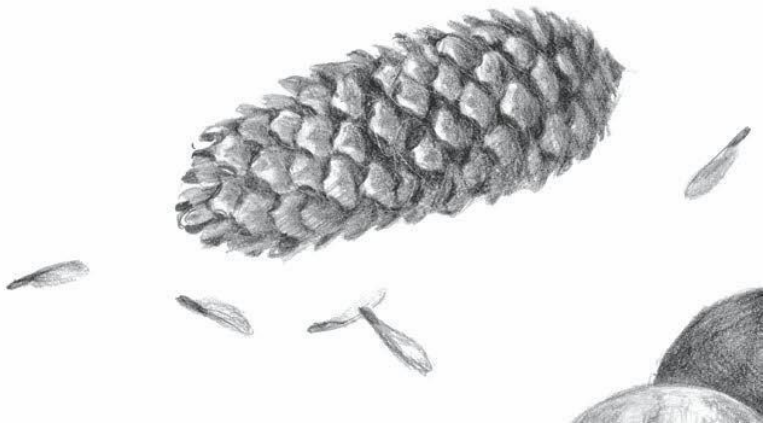
Я же не столько на снегирей смотрю, сколько гостеприимной лиственничке дивлюсь. На всякой другой, красивой для нас, людей, лиственнице этих пичуг любая сова или соболь запросто схватят. А здесь попробуй через ветки продраться. Вот тебе и некрасивое дерево!

Видишь, как получается? Гулял ты в тайге, ловил в ручьях хариусов, искал грибы на моховых полянах, собирал бруснику на боку крутой сопки, а тайги не знаешь. И как будто внимательно смотрел, а не всё увидел. Как будто хорошо слушал, а не всё услышал. Такая уж она, наша северная природа. Как будто и вся на виду, а не сразу да и не всякому откроется.

Если ты и в самом деле любишь природу, дай мне руку. День за днём, месяц за месяцем мы будем бродить по широким долинам и тесным распадкам, отыщем самую светлую реку и самое глубокое озеро, заглянем в медвежью берлогу и угостим орешками полосатого бурундука. Мы побываем на озере Танцующих Хариусов и, если повезёт, тёплым летним вечером, когда мириады комаров кружат над сверкающим плёсом, увидим редкое в природе явление – стремительную пляску взлетающих над водой оранжевопёрых рыб.

И ещё ближе и роднее станет для тебя край, в котором ты живёшь.

Январь

Налим

Белорусы январь называют «студень», украинцы – «сичень». Студёно, мол, в этом месяце, мороз сечёт, не жалеет. Дремлют укутанные снегом сопки, пощёлкивают от холода деревья, над разлившейся вдоль реки наледью клубится пар. Трудно представить что-нибудь живое в этой почти космической стыни.

Но обитает в наших реках рыба, для которой январь – самое благодатное время года. Это налим. В северных морях

живёт около полусотни его близких родственников: треска, сайка, пикша, навага, а разных других налимов и не сосчитать. Наш налим, оставив морские воды, перешёл в пресные и остался в них навеки.

Налим не очень красив. Широкая, сплюснутая, как у лягушки, голова, огромная, усаженная мелкими зубами пасть, чёрные злые глаза, свисающие вниз усы. Пятнистое тело налима обильно покрыто клейкой слизью. Длинное и гибкое, оно напоминает хорошо смазанную плеть.

В тёплые солнечные дни налим чувствует себя неважно. Забьётся куда-нибудь под корягу и не шелохнётся. А вот ночная темень, если к тому же вода холодная как лёд, – самая налимя пора. Зрение у него слабое, зато лучше, чем у других рыб, развиты слух, обоняние и осязание. Разбойником крадётся он вдоль берега, хватая всех, кто встретится на пути. Случится хариус – съест хариуса, попадётся ручейник – проглотит ручейника, закружит течением пустившегося в плавание мышонка – не пожалеет и его. Ну а заболевшая рыбка – первая добыча. Поймает её налим – и не даст распространиться болезни по реке. За это его называют речным санитаром.

В январе у налимов нерест. Отправляются они к перекату и прямо на камни вымётывают икру. Одна взрослая самка может отложить за один раз до миллиона икринок. Если бы из каждой вырос новый налим, эти рыбы заполнили бы реку до берегов. Но подобного не случается, потому что теперь

уже ручейники, хариусы да и сами налимы с жадностью набрасываются на икру. И вскоре её остаётся совсем мало. Одна икринка за камушек закатилась, другую замыло песком, третью снесло под затопленную иву. Больше ни одной нет – съели.

Выклёвывается налимья молодь ранней весной, и уже к июню налимчики достигают восьми сантиметров в длину. Питаются червяками да личинками, плавают осторожно, с оглядкой: того и гляди кому-нибудь в зубы попадётся. И только в двухлетнем возрасте у них появляются все повадки ночной рыбы-разбойницы.

Бурундук

Пустынны таёжные распадки в январскую стужу. Разве что стайка белых куропаток прошумит над тальниками да осторожный беляк протянет по крутому склону свой след. Куда ни кинешь взгляд – снег, снег, снег. Под ним, как под тёплым одеялом, спят полосатые бурундуки, длиннохвостые суслики, косялапые медведи.

У бурундука и суслика в это время температура тела понижается до трёх градусов, а частота дыхания – до двух вдохов в минуту. Таких сразу не разбудишь.

Прокладывали однажды зимник в тайге и вместе с огромной корягой выковыряли из земли бурундука. Свернувшись в клубочек, лежит он холодный, заостенелый. Глаза закрыты, ни хвост, ни лапы не гнутся.

– Допрыгался! – хмыкнул бульдозерист, разглядывая зверька. – Нужно бригадиру показать, а то он бурундука только на картинке и видел.

Отнёс мёртвого зверька в вагончик и положил у окна. После смены возвращаются дорожники, а бурундук сидит на столе и с аппетитом поедает печенье. Людей увидел, свистнул, поставил хвост торчком да под кровать. Забрался в лежавший там валенок и притих.

Так в валенке до самого лета у дорожников и прожил. Натаскал туда бумажек, обрывков ваты, всяких объедков. Пока люди на работе, он хозяйничает в вагончике, а возвратятся – бурундук заберётся в валенок и спит.

Под снегом

Так уж повелось, что люди всех зверьков, напоминающих привычную нам домовую мышь, ту, за которой охотится кот Васька, называют мышами. А ведь собственно мышей на Севере очень мало. Зато много полёвок, землероек, пищух.

Небольшой коричневатый зверёк с коротким хвостом и круглой головой называется полёвкой. Это близкий родственник хомяка и ондатры. Полёвок у нас, пожалуй, больше, чем любых других зверьков. Они составляют основу корма горностаев, соболей, лис, сов. Сами же едят траву, различные семена, не отказываясь и от снулой рыбки или оставленного на приманку кусочка мяса.

В тайге можно встретить зверька немногим крупнее ногтя на большом пальце руки. У него как хоботок нос, пышные усы и очень длинный хвост. Это землеройка – близкий родственник крота, ежа и выхухоли. Все они насекомоядные.

И наконец, сравнительно крупное, в кулак, животное с буроватой шёрсткой и большими, словно смятыми, ушами – пищуха, родная сестра зайца. Как и заяц, пищуха питается травой, молодыми побегами ивы и осины, любит кору, иногда угощается ягодами.

И полёвки, и землеройки, и пищухи в зимнюю спячку не впадают. Они делают под снегом длинные ходы, бегают по ним в поисках корма и, конечно, заглядывают друг к другу

в гости.

Случается, полёвки досаждают охотникам. Они подчистую съедают приманку, портят шкурки попавших в капканы горностаев и соболей, могут разграбить спрятанные в тайге припасы пастухов, геологов, лесорубов.

Новогодняя гостья

Как-то охотился я в верховьях реки Чуританджи, так полёвки меня совсем извели. Придёшь в избушку, а там хлеб погрызан, на столе и полках следы пиршества полёвок, из кружки с чаем выглядывает рыжая спина.

Чтобы покончить с этим разбоем, я решил сделать мышеловку и принялся искать подходящую дощечку. Заглянул под навес и ужаснулся. От навеса к лежащей у ручья лиственнице тянулась дорога. Да-да! Не следок или тропка, а самая настоящая дорога, по которой полёвки совершали набег на мою избушку. Была она очень широкой и не походила ни на одну из виденных мной звериных троп. Цепочки набитых крошечными лапками следов не пересекались одна с другой, а тянулись рядышком. Под лиственницей они сбегались и ныряли в обледенелую норку, как рельсы в тоннель. Впечатление усиливала веточка пушицы, светофором маячившая у входа.

И под навесом, и в норе было тихо. Мир и покой. Наверняка на время моего возвращения домой полёвки объявляли «тихий час» и вели себя очень осторожно.

– Э-э, да мне этих бестий не переловить за весь охотничий сезон, – охнул я и махнул на полёвок рукой.

Так мы и жили. Ночью в избушке хозяйничал я, днём – полёвки. Соседство не ахти какое, но что поделаешь?

И вдруг полёвки исчезли. Не исподволь, не постепенно, а все сразу. Ещё вчера эти изверги забрались в висевший под потолком мешок с сухарями и выгрызли в нём большую дырку, а сегодня их нет. Как лежал на столе кусочек сала, так и лежит. Рядом с ним до половины наполненная сгущённым молоком банка – всё нетронутое. Что же их так напугало? Неужели, думаю, к избушке под снегом наледь подбирается? Мне её не видно, а полёвки в таких делах народишко опытный.

Ушли полёвки, но спокойнее мне не стало. Начал замечать, что кто-то снова хозяйничает в избушке. Но теперь уже по ночам. Не шебуршит, не гремит, никаких следов не оставляет, а вот то, что хозяйничает, – точно. Скажем, сплю и вдруг чувствую, как по моей ноге что-то бежит. Нет, не мышь. Мышь, та всё-таки вес имеет, и коготки у неё царапучие. Эта же передвигается, как комарик или жучок. В детстве нечто подобное я уже ощущал. Испугался, рассказываю маме, а она говорит: «Это ты растёшь, сынок. А может, просто спросонок показалось».

В другой раз неизвестная мне животное запуталась в моих волосах. Я только начал дремать и вдруг слышу, что-то на голову свалилось и барахтается там. Я рукой хватать, а оно между пальцев сквознячком проскользнуло...

Новый год я встречал в тайге. Ещё с утра смастерил из стланиковых веточек ёлку, убрал её как сумел, затем приготовил праздничный стол и стал ждать полуночи.

Хорошо в избежке зимой. Пламя в печке гудит, труба от жара пощёлкивает, на бревенчатой стене светлые блики играют. Тепло, уютно. Вот только скучновато в одиночку новогодний праздник справлять.

Не успел я так подумать, как лежащая под столом банка из-под колбасного фарша шевельнулась и покатилась ко мне. Я даже глаза протёр: может, чудится? Ан нет. Банка на мгновение остановилась и покатилась снова. Теперь уже в обратную сторону. Я тихонько к ней подкрался и быстро прикрыл ладонью. Заглядываю в банку, а на дне её сидит зверюшка с ноготок величиной. Толстенькая, пушистая, длинный нос хоботком из шерсти торчит.

Землеройка! Так вот кто пожаловал ко мне в гости и, наверное, разогнал полёвок. До этого встречать её мне как-то не доводилось. Знаю, что это самый маленький и злобный хищник, что за сутки землеройка съедает пищи больше, чем весит сама. И вот это удивительное существо у меня в гостях!

Пристроил я банку на стол, положил в неё кусочек мяса, крошку масла, налил в полиэтиленовую пробку молока.

– Ну, – говорю, – будешь есть или очень уж я тебя напугал?

Ничуть не напугал. Только убрал руку, землеройка сейчас же направилась к еде, неторопливо обследовала всё и принялась за угощение.

Вот так вдвоём мы Новый год и встретили. Я сидел у приёмника и слушал праздничный концерт, рядом гуляла маленькая, круглая, как шарик, зверюшка и с аппетитом пила молоко со сливочным маслом вприкуску.

Кутора

По берегам наших рек встречается землеройка, которая приспособилась жить чуть ли не в воде. А чего там не жить? Пусть морозы хоть пятьдесят, хоть шестьдесят градусов, температура воды никогда не упадёт ниже нуля. Выкопай под обрывом норку, сделай в ней уютное гнёздышко и можешь месяцами не показываться из-под льда. Это только кажется, что весь лёд лежит на воде. На самом деле под ним масса всяких пустот, гротов, пещер. И светло, и ветра нет, и никакой враг тебя сверху не схватит. А в воде полно ручейников, личинок всевозможных рыбок. Здесь тебе и стол, и дом.

Если смотреть на незамёрзшую реку сверху – вода в ней кажется очень тёмной, но если нырнуть и глянуть снизу – она светлая. Поэтому-то водяная землеройка – кутора, чтобы не быть заметной, окрашена в два цвета. Спинка у неё чёрная, а живот белый. Натуралисты такую окраску называют защитной.

Вокруг пальцев у куторы имеется оторочка из жёстких щетинок, отчего её лапка напоминает настоящее весло. На хвосте тоже волосяная щётка – это у зверька руль. Ушные раковины водяной землеройки развиты слабо, и их почти не видно в волосяном покрове. Кутора прекрасно ныряет, быстро плавает и вообще чувствует себя в воде не хуже рыбы.

Мне удалось познакомиться с куторой десять лет назад.

Получилось так. Рядом с нашим посёлком протекает не замерзающий даже в самые лютые морозы ручей. С омутками и перекатами, родниками и длинными зелёными водорослями. Жили в этом ручье маленькие вёрткие рыбки, которых мы называли лизунами. Ухи из лизунов не сварить, а вот живец для рыбалки – лучше не надо. Кого только мы на них не ловили! Хариусов и налимов, щук и даже ленков.

Однажды в январе собрались мы за щуками к Зангезуровским озёрам. Там этих хищниц развелось много. Прорубишь лунку, а они уже выглядывают. Правда, на блесну клюют неохотно. Ткнутся в приманку острым носом и неторопливо отплывают в сторону. Но стоит пустить под лёд живца, все щуки наперегонки бросаются к добыче и, если леска надёжная, через минуту самая проворная щука окажется на льду.

Побежал я к ручью за лизунами. Поставишь обыкновенный сачок в узком месте, затем палкой в водорослях поворошишь – все затаившиеся там рыбки прямо в сачок и влетают.

Я успел поймать десятка два вертлявых лизунов и вдруг вижу, прямо ко мне плывёт какой-то серебристый шарик. Я его сачком – раз и накрыл. Заглядываю внутрь – какая-то мышка. Сама чёрная, а грудка белая как снег. Пингвин в миниатюре, да и только. Сидит себе и водит длинным носиком. Я её в банку – и домой.

Собралось нас, рыбаков-охотников, человек пять, а никто не может определить: что же это за зверёк? Дело в том, что

никаких щетинок на лапках и хвосте у куторы, когда она на суше, не видно. Образина какая-то. Толстая, неуклюжая, с большим животом и тонкими лапками. Там, где у нормальных мышей уши, у неё только светлые полосы. Ползает эта зверюшка по столу и тычется туда-сюда острым усатым носом. Дали ей хлеба – не ест, от молока тоже отворачивается. Даже кедровые орешки ей не по вкусу. Обнюхала – и в сторону. Тут мой брат Лёня и спрашивает:

– Ты её на самом деле в ручье поймал? Как она плыла?

Объясняю, что заметил её у самого дна, только она тогда была не чёрной, а какой-то серебристой. Стекланный шарик.

– Всё правильно, – говорит брат, – это кутора. Я о ней где-то слышал. Нужно в энциклопедии посмотреть.

Читаем. Так, куторы – род млекопитающих, семейство землероек, отряд насекомоядных, обитают по берегам небольших пресных водоёмов, ведут полуводный образ жизни... Питаются беспозвоночными, мелкой рыбой...

Набрали в ванну немного воды – это водоём. Под остров приспособили камень, что кладём на квашеную капусту, и пустили землеройку в воду. Ох, как она понеслась! Словно торпеда. То вверх, то вниз, а то по кругу. Будто сама себя хочет догнать и ухватить за хвост. Здесь мы разглядели и щетинки на лапках, и щёточку на хвосте. Она этим хвостом рулит не хуже, чем рыба.

Наплавалась, легла на воду и принялась охорашиваться. Затем неторопливо так подплыла к камню, осторожно забра-

лась на него и уселась отдыхать. Я выловил из ведра лизуна и положил на камень. Пока кутора обнюхивала рыбку, она вдруг взвилась и бултых в воду. Кутора догнала лизуна, цап и на камень. Минуты через три от него не осталось и плавников. Мы нашей новой знакомой ещё трёх рыбок дали, съела и их. Живот у куторы раздулся, как барабан, а она ползает по камню и ищет добавки. Положили ей кусочек мяса – съела, поймали толстого рыжего таракана – съела, нашли между оконных рам сухих мух – и тех сжевала.

Но больше всего нас удивляла не прожорливость куторы, а то, как она преображалась в воде. Вот она сидит на камне, несуразная, толстобрюхая. Пока не обнюхает перед собой всё до последнего миллиметра, боится шаг ступить. Но стоит ей попасть в воду – и перед нами уже не чёрная толстая мышь, а полужверь-полурыба. Между шерстинками висят мириады воздушных пузырьков, отчего кутора кажется одетой в скафандр из серебристой ткани – такими нам показывают в кино пришельцев с других планет.

Она могла плавать на спине и животе, выполнять в воде фигуры высшего пилотажа или просто лечь на воду и долго лежать.

Мы любовались, если не сказать – играли куторой до самого вечера. Угощали её мясом, мучными червями и океанской рыбой палтусом. Кормили в воде, на камне, в руках. Она ни от чего не отказывалась и съела столько, что с лихвой хватило бы на десятерых землероек.

Перед сном положили на камень комочек ваты и, решив, что больше куторе ничего не нужно, оставили её в покое. Когда утром мы заглянули в ванную, наша кутора была мертва. Вату она столкнула в воду, а сама лежала на голом камне, поджав тонкие лапки и почти касаясь живота длинным носом.

Решив, что вчера перекормили зверька, мы долго упрекали друг друга в неосторожности. Только потом я узнал, что всё случилось как раз наоборот. Оказывается, этот зверёк должен получать еду не реже чем через три часа. В ручье или озере кутора так и делает. Час поохотилась, час поспала, снова поохотилась, снова вздремнула. День или ночь, для неё особой разницы нет. Она прекрасно чувствует добычу своими усами-вибриссами даже в полной темноте. Так и получается, что всю свою жизнь кутора или спит, или ест. Оставь мы на камне кусочек мяса, этот удивительный зверёк, возможно, жил бы у нас и сегодня. Ах, как жаль, что о том, как питается кутора, не было написано в энциклопедии!

На второй год в ручей пустили сточную воду, и теперь ни лизунов, ни кутор там не встретишь. Даже водоросли исчезли. Старые автомобильные покрышки, тряпки, битые бутылки – этого добра в нашем ручье сколько угодно, живого же нет ничего.

Беличья спальня

В январе солнце поворачивает на весну, а зима на мороз. Когда он бывает слишком уж сильным, многие птицы и звери по три-четыре дня не покидают своих спален. Глухари, рябчики и куропатки отсиживаются в снежных лунках, горностаи и соболи – в дуплах. Белки в эту пору прячутся в похожие на футбольный мяч гнёзда – гайна, в выкопанные под ветками кедрового стланика снежные норы, а однажды я обнаружил вот какую беличью спальню.

Зимовал я на реке Чуритандже. В самом её верховье у похожей на старинный корабль скалы стоит избушка. Потолок в избушке закопчённый, стены покрыты трещинами, между брёвен выглядывает мох. Вместо стульев – сучковатые листовенничные чурки, вместо кровати – нары из упругих жердей. У изголовья два бревна совершенно новые. Это медведь забрался в избушку, съел весь запас продуктов, порвал в клочья матрас, а когда уходил, не стал разворачиваться в тесном зимовье – выдавил стену.

На память о своём посещении медведь оставил ещё клочок коричневой шерсти. Я наделал из неё мушек и всю осень ловил крупных хариусов.

Сейчас медведь спит в распадке недалеко отсюда. Летом там пройти трудно, но зимой все валежины под снегом, и я спокойно приближаюсь к берлоге. Не так чтобы очень к

самой берлоге, а шагов на пятьдесят.

Как-то я возвращался от берлоги и завернул к «бельчатнику» – полоске очень высоких лиственниц, на которых любят селиться белки. Мороз был такой, что снег на лыжне превратился в пудру и лыжи совсем не скользили. Когда на подъёме я ухватился за толстенную ветку, она треснула словно стеклянная.

Весь снег вокруг лиственниц испещрён беличьими следами. Но самому свежему – дня три, не меньше. Куда же подевались сами белки? Постучал по деревьям, на которых темнеют гайна, – тихо. Поднялся к зарослям кедрового стланика – никого.

Спрятал в чехол бинокль, очистил от снега лежащую недалеко от «бельчатника» толстенную лиственницу и присел на неё отдохнуть. Как раз здесь у белок сбежка. Это такое место, по которому, где бы белка ни гуляла, возвращаясь домой, обязательно пробежит.

Сижу, рассматриваю следы. Очень интересные. Задние лапки отпечатаны спереди, а передние сзади. У белок задние ноги – они длиннее – всегда наперёд забегают.

Вдруг слышу, что-то подо мной фыркнуло. Подхватился – ничего. Снова сел, опять фыркнуло. Тогда я поддел топориком кору на валежине и отвернул – оттуда стая белок во все стороны как брызнет! Одна, две, три... восемь штук! Кто на дерево, кто в кусты, а самая смелая чуть в сторону отбежала, повернулась и на меня глядит...

Оказывается, середина-то у валежины сгнила и получилось преотличное дупло. Правда, вход в него снегом завалило. Но белки сугроб раскопали, в валежину забрались и, сбившись в плотный пушистый комок, уснули. Тепло, уютно. А что немного голодно, так это и потерпеть можно.

Кедровкина одежда

С самой осени у моей избушки держится кедровка. Мы с ней дружим. Я угощаю её мясным фаршем, она сторожит мой дом. Лишь увидит зверя или человека – летит на поленницу и кричит на всю тайгу.

Каждый вечер, как только солнце коснётся вершины скалы, беру топор и отправляюсь рубить дрова. В январе ночи длинные, дров уходит много, в другой раз больше часа на морозе провозишься.

Если очень холодно, надеваю под куртку меховую безрукавку и становлюсь толстым, неуклюжим.

Работаем мы вместе с кедровкой. Я орудую топором, а она проверяет чурки, отыскивает жирных короедов.

И что интересно: как я, так и она одеты по погоде. В оттепель кедровка небольшая, аккуратная, перья лежат плотно. Но лишь мороз – перья взъерошит, крылья в стороны отведёт – раза в два толще сделается. Получается, и кедровка под свою одежду тёплую поддёвку натягивает. Только у кедровки из воздуха она.

Дятлова особинка

В тайге птиц сколько угодно, и у каждой своя особинка. Поползень по деревьям вниз головой бегаёт, синица в случае опасности неживой прикидывается, оляпка в любой мороз под воду ныряет да ещё и песни поёт. Один только дятел ничем себя не проявил.

– Как же так? – говорили мне. – Он ведь деревья лечит, червяков прямо из-под коры вытаскивает.

– Ну и что? И поползень, и кукушка, и даже синица так умеют.

– А ты знаешь, что дятел – единственная из птиц, которая болеет сотрясением мозга?

– Во-первых, это ещё нужно доказать, во-вторых, однажды ночью я глухаря из-под снега вытоптал, он с перепугу так о лиственницу головой шарахнулся, что только в моей избушке и очнулся. Нет, что ни говори, а сотрясение мозга – это не особинка...

Слышал я, лесной доктор до того бдительно сторожит свои угодья, что с ним не может сравниться ни одна из наших птиц. Лишь чужой дятел на его участке застучит, он напрямик туда и давай барабанить. Да не как-нибудь, а непременно чётче и громче, чем пришелец. Тот сразу сконфузится и наутёк. Может, это и есть дятлова особинка?

Интересно бы проверить. Выбрал я подходящую листвен-

ницу и принялся стучать. Чем только не барабанил – железным прутиком, топориком, палкой, ручкой ножа, ледяной сосулькой и даже кулаком. Стучал часто и не очень, громко и потише, с перерывами и без.

И что? Ни один дятел на мои стуки не обратил внимания. Только снежный ком на голову свалился, хорошо, без сотрясения мозга обошлось.

Расстроился, возвратился в избушку и принялся печную трубу ладить. Она у меня пять лет служила, а потом возьми и прогори. Дым глаза ест, пламя в щель пробивается – далеко ли до беды? Взял пустую консервную банку, вырезал заплату и прикрутил проволокой. Конечно, вышло не очень красиво, да не до красоты. Не дымит, и ладно.

Управился, залез в спальный мешок и слушаю музыку. Радио в тайге первое дело. Транзистор включил – здесь тебе новости, песни. Я, когда избушку обживал, прежде всего антенну соорудил. Взял и приколотил к углу зимовья длинную жердь. На вершине медный ёршик, внизу тонкая проволочка, хочешь – Москву слушай, хочешь – Магадан.

Утром проснулся. Холодно. За окном полумрак, тайга только просыпается. Наложил в печку дров, сунул под них горящую спичку и скорее в постель. Пусть избушка прогреется, тогда можно и одеваться.

Дрова разгорелись, накалили трубу, и она сразу запела: «Так-так-так-так». А заплатка следом: «Чок-чок-чок-чок» – настоящий концерт. Лежу, слушаю сквозь полудрёму. Хоро-

шо!

И вдруг: «Тр-р-р-р!..» Загрохотало, загудело, звон по избушке пошёл. Я из спальника выскочил, ничего не пойму. А оно снова: «Тр-р-р-р!..» Я за кочергу, выскочил из избушки. Гляжу, а на крыше дятел антенну долбит, только голова мельтешит. Что он там сумел найти? Жердь хоть и не тонкая, но в такой утайке не то что жирная личинка, самый зряшный комарик не зазимует. К тому же древесина сухая, выстоянная. Как он ни старается, а ни одной щепочки не отколет. Того и гляди, клюв сломает.

– Эй ты! – кричу. – У тебя и на самом деле с мозгами не всё в порядке.

Он меня услышал, стучать перестал. Сидит, туда-сюда поглядывает. В это время труба пустила струйку дыма и заговорила: «Так-так-так-так», следом заплата: «Чок-чок-чок-чок». Дятел вздрогнул, сердито чивикнул и как забарабанит! Тут до меня и дошло. Да ведь дятел не за личинками сюда явился, а на самый настоящий рыцарский турнир прилетел. Он мою трубу за чужака-пришельца принял, вот и решил сразиться.

Тихонько приоткрываю дверь и возвращаюсь в избушку. Дров в печку добавил и принялся одеваться. А надо мною труба звенит, заплата стучит, дятел изо всех сил старается. Любопытно мне: кому в этом поединке победа достанется?

Лиственница

Январь – середина зимы, её вершина, её пик. В это время морозы нередко загоняют спиртовой столбик термометра ниже пятидесятиградусной отметки. При таком холоде железо становится ломким, а автомобильные покрышки рассыпаются, как стеклянные. Не прикрытая снегом веточка кедрового стланика быстро желтеет, словно обожжённая.

Но есть на Колыме дерево, которому любой холод нипочём. Оно прекрасно себя чувствует даже в районе Оймяконского полюса холода. Конечно, растёт оно очень медленно: нередко возраст стоящего на болоте пятиметрового дерева исчисляется в двести – триста лет. Это дерево даёт упругую, долговечную древесину, идущую на строительство даже подводных сооружений, и тепла при сгорании выделяет больше, чем, например, дуб, берёза, сосна.

Это диковинное дерево – лиственница. Ещё Пётр I обратил внимание на её замечательные свойства и приказал посадить на Карельском перешейке целую лиственничную рощу. Редкостная по красоте, она сохранилась до сих пор.

В 1960 году в американском городе Сиэтле состоялся Пятый Всемирный лесной конгресс. В его работе приняли участие лесоводы девятиности шести стран. Когда конгресс закончился, каждая делегация посадила в этом городе главное дерево своей страны. Поляки посадили дуб, французы – каш-

тан, немцы – сосну. Советская делегация посадила лиственницу.

Золушка

Мне кажется, мы незаслуженно обходим лиственницу вниманием. Большая редкость – стихи и песни о ней. Минуют её и праздники. Среди хвойных сородичей она вообще Золушка. Каждую осень злые северные ветры срывают с лиственницы всю хвою, и, как её сестрица из сказки, не получает она приглашения на бал. Ёлку наряжают на Новый год в красивые, сверкающие игрушки, водят вокруг неё хороводы, поют песни. Если нет ёлки, украшают сосну или, как у нас на Севере, – ветки кедрового стланика. Иголочки у него густые, зелёные, свежий смолистый запах держится долго. Рады ёлочке из стланика и взрослые, и дети. Лиственницы на новогоднем празднике я не встречал ни разу.

Как-то мне посоветовали:

– Если за месяц до Нового года поставишь лиственницу в ведро с водой, то она к празднику обязательно оденется в хвою. Будет тебе ёлочка – загляденье. Зелёная, пушистая. Только не забудь.

Не забыл. Принёс лиственничку в дом, поставил в воду. Каждый день поглядывал – скоро ли покажется хвоя? Деревце долго молчало, потом вдруг покрылось такими редкими и бледными иголочками, что о приглашении её к новогоднему празднику не могло быть и речи. Не попала Золушка на бал. ...В прошлом году мы с товарищем встречали Новый год

в тайге. Домой нас не пустила Чуританджа. У скал прорвалась наледь и затопила долину до самого Омута. Мы пробовали проскочить – ничего не получается. Куда ни ткнёшься – везде вода. Я чуть не утопил лыжи.

Обсушились у костра и решили выходить к посёлку круглым путём. Поднялись на перевал. Пусто там, неуютно. Где какой кустик рос – всё под снег спряталось и затаилось до самой весны. Одна только лиственница стынет на гребне. Тёмная, скучная, заиндевелая. Солнце как раз садилось за перевал, и лишь маленький его краешек пламенел над горизонтом. На прощание оно вдруг выбросило яркий лучик, и тот осветил одинокую лиственничку.

Случилось чудо. Расплавленным золотом вспыхнул иней на тонких ветках. Крупные синеватые блёстки загорелись на их кончиках как праздничные огоньки. Деревце вдруг подросло и стало до удивления нарядным и стройным. Казалось, воздух струился и звенел вокруг охваченных сиянием веток.

Забыв о крутом подъёме, о тяжёлых рюкзаках, о том, что до посёлка ещё шагать и шагать, стояли мы на перевале. Чудилось: одним глазком нам удалось заглянуть в сказку. В то самое мгновение, когда Золушка становится принцессой.

Тальниковое полотенце

Сегодня я гостил у пастухов-эвенов. Прямо на снег они настелили лиственничных веточек, прикрыли их оленьими шкурами и натянули палатку. Посередине палатки топится большая железная печь, и от её тепла ветки источают аромат. На дворе январь, а здесь как в весеннем лесу.

Пастухи расспросили меня, не встречались ли где следы волков, росомах, рысей, не заглядывали ли сюда дикие олени – буюны. Не так давно буюны увели у них двадцать шесть важенок, и до сих пор никто не знает, где их искать.

Потом мы обедали. После еды я оглянулся, где бы помыть руки. Бригадир пастухов Коля улыбнулся и подал мне комочек очень тонких тальниковых стружек. Небольшой комочек, всего с полкулака, но им я насухо вытер губы, до скрипа протёр руки, нож. После этого от лица и рук долго исходил тальниковый запах.

Друзья-недрузи

Ещё какую-то неделю назад возле моей избушки жило всего восемь куропаток, сегодня их более полусотни. Это из-за оленей. Они спустились с перевала, разрыли снег, и тогда обнажились заросли богатых почками кустов и открылись россыпи камушков. Обычно голодные куропатки чуть ли не до сумерек по снегу бегают, за каждой почкой охотятся. А сейчас, хотя солнцу ещё светить да светить, они уже в лунках. Закопались в снег – и на боковую. Да и чего не спать? Зоб набит отборными почками, под снегом тепло.

Летом же страшной оленей для них врага нет. Пусть хоть десять лис в долине охотится, хоть двенадцать сов летает, а такого урона, как одно оленьё стадо, они нанести куропаткам не могут. Пройдёт по долине стадо, и от куропачьих гнёзд ни скорлупы, ни пёрышка не останется, олени яйца съедят, цыплят поглотают.

Вот и получается, летом олень куропатке лютый враг, а зимой – первый друг.

Лисий сон

Почти месяц пасли своих оленей в долине Чуританджи пастухи-эвены. Затем они разобрали палатку, погрузились на нарты и уехали следом за стадом. В том месте, где вчера звучали людские голоса, играла музыка и хоркали герлыхи, остались горка лиственничных веточек да перевернутый вверх дном ящик из-под рыбы.

А утром к опустевшему стойбищу пришла лиса. Она обнюхала ящик, поймала в подстилке крупную полёвку, съела её и, забравшись на склон сопки, уснула.

В бинокль я видел, перед этим она долго вертелась на месте, широко зевнула и, наконец, свернувшись калачиком, притихла. Рассказывают, к спящей лисе можно подойти чуть ли не вплотную. Я было подумал, не попробовать ли подкрасться, как вдруг лиса подхватила, внимательно посмотрела вокруг и легла снова.

И так до самого обеда. Поднимется, глянет, нет ли чего подозрительного, и опять дремлет. Когда погода начала портиться – шумнул ветер и закружили снежинки, – она только подняла голову и, даже не осмотревшись, уснула до самого вечера. Гуляет позёмка, жалобно стонут деревья, где-то испуганно кричит кедровка, а лиса не шелохнётся.

Всё понятно. До полудня было светло, тихо и по лисьему следу в любую минуту мог явиться охотник, волк или росо-

маха, вот она и осторожничала. Поднявшаяся метель замела следы, перемешала все запахи, и теперь лисе можно спать без оглядки.

Радуга

С вечера над рекой клубился туман, а утром в воздухе заиграли мириады блёсток. Наверное, они и родили две удивительные радуги. Сначала я никаких радуг не заметил. Вышел: есть ли мороз, откуда ветер? А в сторону лежащей за рекой сопки и не глянул. Потом лыжи надел, распрямился и охнул. На вершине сопки лежит солнце, а по склонам радуги горят. Из-за каждой радуги ещё по одному солнцу выглядывает. Раз, два, три. Целых три солнца. Каждое светит, от каждого лучи во все стороны идут, возле каждого, словно комары, блёстки играют. Хорошо, если бы от каждого солнца ещё и тепло шло. А то ведь минуту постоял – до костей пробрало. И жалко с радугами расставаться, но нужно идти.

Шагнул я за деревья, левая радуга сразу же исчезла, а та, что с правой стороны, – прыг и зависла в каких-то двадцати шагах от меня. Правда, немного укоротилась и солнышко куда-то спрятала, но все краски на месте. Я даже проверил. Стою и бормочу:

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

Это у нас в школе такая считалка была, чтобы не забыть, какой цвет за каким в радуге следует. «Каждый» – значит красный, «охотник» – оранжевый, «желает» – жёлтый и так далее. Нырнул я за толстую листовенницу. Радуга двинулась за мной и остановилась рядом. Правда, бледная-бледная,

всего в одну блёстку толщиной. Но если хорошо присмотреться – здесь она! Протянул руку и... коснулся!

Отправился дальше. Глаза от удовольствия щурю: если бы не лыжи, затанцевал бы. Никогда не думал, что смогу дотянуться до радуги. Да не какой-нибудь, а таёжной, морозной, ещё и с солнышком в утайке. Расскажу – не поверят. И пусть не верят. Я-то знаю, как оно было на самом деле...

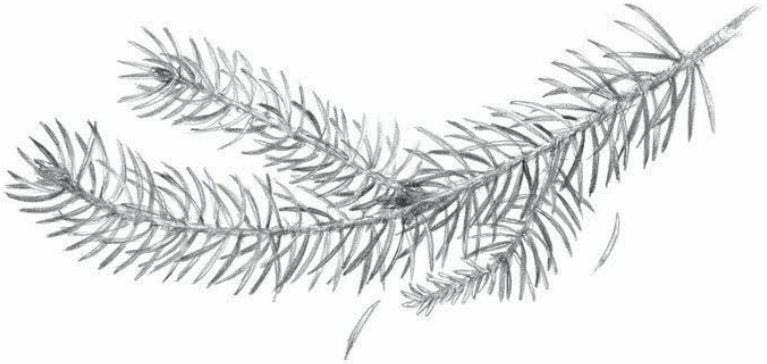
Иду, по кустам и кочкам моя тень скачет. То на сопки запрыгнет, то вдоль распадка растянется, а то возьмёт и разломится надвое. Одна половина на ближней террасе, а вторая аж за увалом мельтешит.

Прыгала-прыгала моя тень да и стукнулась о тальниковый куст, а оттуда заяц как сиганёт! Здоровый! Прижал уши и наутёк.

А ведь до него был чуть ли не целый километр. Ни палкой не докинуть, ни из ружья не достать. Перетерпел бы, потом перед знакомыми зайцами хвастался бы: меня, мол, охотничья тень стукнула изо всех сил, а я даже усами не повёл.

Все зайцы от зависти, наверное, умерли бы.

Февраль

Росомаха

В феврале к жестоким морозам прибавляются многодневные метели.

Предчувствуя непогоду, птицы и звери готовятся к встрече с ней очень серьёзно. Куропатки торопятся набить зоб ивовыми почками, глухари – лиственничными побегами, соболи и горностаи выходят на охоту даже днём, олени с лосями спускаются в закрытые от ветра распадки и лощины. Даже рыба за десять – двенадцать часов до начала метели клюёт лучше обычного.

Словно собираясь вот-вот потухнуть, мерцают краснова-

тые звёзды, а к утру белёсое небо покрывается тёмными облаками. Спустившись к самым сопкам, облака какое-то время стоят на месте и вдруг начинают бежать против ветра.

Не слышно птичьего гомона, не промелькнёт в кронах лиственниц быстрая белка, не отзовется с русла замёрзшего ручейка сторожкий куропад. Всё затаилось...

Один только зверь не прячется перед непогодой. Наклонив голову и чуть сгорбив спину, он неторопливо бежит по тайге в поисках добычи. Днём и ночью деятелен он, вечно голоден, обуреваем единственным желанием – поест. Немецкое и французское название его – «обжора». Зверь не знает усталости и, кажется, не знает преград. Встретится река – переплывёт реку; учует поставленный охотником капкан – обойдёт его, а затем сделает десять подходов, но всё же стянет приманку, не коснувшись лапой хитрого самолова; наскочит на охотничью избушку – через подкоп проникнет в неё и устроит там настоящий разбой. Этот зверь – россомаха. Более хитрого и коварного нет во всей тайге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.